

В.Б.Кувалдин

Я хотел бы вернуться к теме нашего разговора, как она была заявлена: «Российский человек в начале века». Подобная постановка вопроса мне кажется очень перспективной. Потому что если мы не попытаемся ответить на этот вопрос, дальнейший разговор становится беспрецедентным.

У нас есть хорошие предшественники. Был же большой проект, реализованный за пределами Советского Союза. Проект, посвященный советскому человеку (*homo soveticus*), сделанный на базе добротных материалов – использовался и смоленский архив, и интервью с нашими эмигрантами второй волны. В итоге удалось (даже удивительно, насколько удачно это получилось) очертить портрет советского человека. Такого же плана исследование было сделано и в Советском Союзе, в перестроечные годы.

Сегодня перед отечественной наукой (не только социологией, а всем нашим общественным знанием) стоит в сущности тот же вопрос: а что собой представляет постсоветский человек, российский человек в начале века? И мне кажется, что здесь его генетическая связь с советским человеком, поскольку все мы идем оттуда. Но, естественно, не менее важны и отличия. У меня нет возможности сколь-нибудь подробно аргументировать свою точку зрения. Поэтому ограничусь характеристикой, которую сформулировал для себя: постсоветский человек и постсоветское общество – это собрание асоциальных индивидуалистов. То есть это человек, который освободился или скорей его освободили в принудительном порядке от советского собеса, наркотической зависимости от власти. Но это человек, который не стал общественным существом. Он еще менее социален, чем был советский человек, который не слишком преуспел по этой части.

Следующий вопрос: почему он, собственно, стал асоциальным существом? В поисках ответа лучше сосредоточиться не на нем, а на творцах постсоветских трансформаций. Коротко говоря он таков, потому что его хотели таким сделать. Это был определенный даже не политический, а общественный проект, и, к сожалению, он в значительной степени реализован. Как же это получилось? Здесь много говорилось о героях нашего времени, в частности Владлен Терентьевич начал свое выступление с характеристики интеллигенции. Честно говоря, у меня нет большого желания говорить о российской интеллигенции. Поскольку говорить об этом тяжело и неприятно, тем более, что основная часть моих исследовательских работ посвящена именно теме интеллигенции. Тяжело потому, что, как мне представляется, в России исчезает интеллигенция как особый общественный феномен. Она сама на себе поставила крест. Ибо интеллигенция, - а точнее, интеллектуальная элита, - которая повернулась спиной к своему народу, фактически его бросила на произвол судьбы, то есть оставила без пастырей, поводырей в роковой период отечественной истории, не могла не ликвидировать себя в этом качестве. Наверное, в России еще есть интеллигенты, возможно, даже рождается слой интеллектуалов. Но думается, что российская интеллигенция, как она сформировалась в последние два века, подрублена под корень.

А что осталось? Есть так называемая постсоветская элита. Здесь вряд ли можно согласиться с глубокоуважаемым Леонидом Никитинским, когда он говорит о том, что «Единая Россия» - это собрание ментов, распальцованных и прочее, прочее. И потому, что на начальной стадии я принимал участие в этом проекте - создание партии власти. Получилось совсем другое: хотели как лучше – получается как всегда. Это не бывшая христианско-демократическая партия в Италии и не современная либерально-демократическая партия в Японии – хотя они тоже не образцы для подражания, но все же... А получилась квинтэссенция постсоветской элиты, не партия, а собрание клубов по интересам.

В то же время я бы не стал недооценивать этих людей, потому что время от времени встречаюсь с ними в Москве, и в регионах. Мне кажется, что это гораздо более сложный и интересный феномен, чем их советские предшественники. Это люди, у которых соответственно есть власть, деньги, внешний лоск, достаточно широкое представление о мире. Внешне они мало отличимы от своих коллег на Западе, в других частях света. Им есть что терять, и они готовы защищать добытое законными и незаконными путями.

И последнее, о чем здесь говорилось, - идеология, мифы, демократическая идея, российская идея. Мне кажется, что во многом это была дымовая завеса. Эти люди еще в 89-м – 91-м годах достаточно хорошо знали, что они хотят и ради чего они, собственно, разрушают свою страну. Отсюда этот дикий парадокс: российская элита, выступающая против российского государства в лице Союза. Они и сегодня хорошо представляют, что у них на кону.

А все остальное действительно из области мифотворчества, но такого, которое вполне заслуживает названия ложного сознания. Причем, мифотворчества, во многом преуспевшего, достаточно основательно, проникшего в общественное сознание.

И последнее, на чем хочу закончить. Где выход, где искомое решение? Как мне представляется, основная проблема сегодняшней России – острый дефицит того, что в мировой науке называется социальным капиталом. Не человеческий, а именно социальный капитал. Какая-то роковая неспособность к осмысленным коллективным действиям. Не генетическая (хотя история России не слишком способствовала развитию навыков самоорганизации), а старательно культивируемая и в советское время, и в постсоветский период. За последние пятнадцать лет многие люди хорошо усвоили истину, что надо позаботиться о себе и своей семье. А остальное - от лукавого. В этом смысле, конечно, они десоциализированы. И сейчас это самая большая проблема и индивидов, и макрогрупп, и страны в целом.

Здравомыслие О.М. По-моему, это очень интересный ответ на то, что было сказано.

Никитинский Л.В. Я хочу только уточнить, чтобы не быть неправильно понятым. Я совсем не говорил о том, что те, кто сидит на местах, - какие-то дураки. Они умные ребята, у многих есть и совесть. Хотя они живут как бы для себя, но не только для себя. Я говорил, что мифом является единство. Никакого единства нет между ними. А сами они ребята хорошие, и на них есть надежда.